

Доверие как социальная проблема

П.М. Козырева, А.И. Смирнов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

На основе данных социологических исследований осуществлен анализ базовых трендов эволюции и проблем формирования доверия в современном российском обществе при изучении медиационных процессов. Внимание сфокусировано на сравнительном анализе динамики обобщенного (генерализованного) и межличностного доверия в условиях развития событий чрезвычайного характера. По результатам исследования выявлен существенный дефицит доверия в российском обществе как важнейшего ресурса социального согласия и социальной сплоченности. Установлено, что сегодня среди россиян преобладают граждане, с большой долей недоверия или крайне негативно относящиеся к другим (посторонним, незнакомым) людям. Вместе с тем выявленные в течение последних лет позитивные сдвиги в уровне обобщенного доверия, достигнутые за счет сокращения доли граждан, полагающих, что с людьми всегда нужно быть осторожным, и роста весомости «срединного» кластера, т.е. увеличения доли лиц, которые считают, что доверять или не доверять другим людям нужно в зависимости от человека и конкретных условий, в большей мере отражают готовность россиян к сплочению и объединению усилий перед лицом возросших внутренних и внешних угроз. Отдельного внимания заслуживают позитивные тенденции, свидетельствующие об укреплении межэтнического доверия, играющего особую роль в общенациональной консолидации. Отмечается, что в условиях длительной нестабильности и неопределенности наблюдается повышение противоречивости массового сознания, обусловленного влиянием ситуационных факторов. На фоне роста у россиян удовлетворенности своей жизнью в целом и отдельными ее сторонами, высокого уровня субъективного ощущения счастья наблюдается некоторое снижение межличностного доверия. Повышение готовности прийти на помощь другим людям, объединяться для совместных действий соседствует с ухудшением оценок возможности получения поддержки и помощи со

стороны окружения. В контексте медиационных процессов эти тенденции указывают на потенциал перехода от дихотомического мышления («доверие – недоверие») к рациональному подходу в формировании доверия. Это актуализирует развитие социальных механизмов, способных транслировать установки обобщенного доверия в практику межличностных отношений.

Ключевые слова: социальное доверие, обобщенное доверие, межличностное доверие, идентичность, социальная адаптация, медиация, социальная сплоченность, социальное самочувствие, социальный капитал.

Козырева Полина Михайловна – доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики».

pkozyreva@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

smir_al@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>

Для цитирования: Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие как социальная проблема // *Философские науки*. 2025. Т. 68. № 3. С. 38–61.
DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-38-61

Trust as a Social Problem

P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article draws on sociological data to analyze the principal trends and challenges affecting the formation of trust in contemporary Russian society, with a particular focus on mediation processes. The analysis centers on the relationship between generalized and interpersonal trust, especially during periods of crisis. The findings reveal a significant trust deficit in Russian society, a condition that undermines a critical resource for social consen-

sus and cohesion. At present, a majority of Russians report considerable distrust or heightened wariness toward strangers. Despite this trend, levels of generalized trust have shown a notable positive shift in recent years. This improvement is attributed to a shrinking share of respondents who believe one must always be cautious with others and by the expansion of a “middle” cluster – those who judge whether to trust others depending on the person and context. These shifts largely reflect a greater public readiness to foster solidarity in response to mounting internal and external threats. Notably, this period has also seen a strengthening of inter-ethnic trust, a key component of national consolidation. Under conditions of prolonged instability and uncertainty, mass consciousness has become increasingly contradictory and susceptible to situational factors. At the same time, while Russians report rising satisfaction with their lives and high levels of subjective happiness, interpersonal trust has shown some decline. An increased willingness to help others and to engage in collective action now coexists with a diminished expectation of receiving support from one’s immediate social circle. From the perspective of mediation processes, these trends indicate a potential shift away from a rigid trust–distrust dichotomy toward a more rational, discerning basis for social trust. This underscores the need for social mechanisms that translate orientations toward generalized trust into everyday interpersonal practice.

Keywords: social trust, generalized trust, interpersonal trust, identity, social adaptation, mediation, social cohesion, social well-being, social capital.

Polina M. Kozyreva – D.Sc. in Sociology, Deputy Director, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics.

pkozyreva@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

Alexander I. Smirnov – D.Sc. in Sociology, Chief Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

smir_al@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>

For citation: Kozyreva P.M. & Smirnov A.I. (2025) Trust as a Social Problem. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 68, no. 3, pp. 38–61.

DOI: 10.30727/0235-1188-2025-68-3-38-61

Введение

События чрезвычайного характера, стремительно разворачивающиеся в нашей стране в последнее десятилетие на фоне характерного для современного мира динамизма и усложнения жизни, поставили российское общество перед новыми колоссальными вызовами, ответ на которые требует высокого уровня социальной сплоченности и консолидации усилий всех граждан. В условиях неопределенности и нестабильности, наполненности повседневной жизни травматическими событиями особое значение приобретает доверие как необходимое условие и фактор эффективного взаимодействия между людьми и социальными институтами.

Доверие относится к важнейшим проблемам общественных наук. Научная литература о проблеме доверия отличается огромным многообразием подходов, концепций и теорий, количество и разнообразие которых продолжает постоянно нарастать. Оставляя за скобками анализ многочисленных трактовок доверия, отражающих сложность, многогранность и противоречивость данного социально-психологического феномена, отметим, что в нашем исследовании доверие рассматривается в соответствии с одним из наиболее распространенных подходов в социологии как уверенность (confidence) в надежности человека или системы [Giddens 1990, 34], как возникающее у членов сообщества ожидание от других предсказуемого, честного, ответственного поведения [Фукуяма 2004, 53]. В русле такого подхода доверие может рассматриваться не только как «ожидание», но и как «уверенность», сочетающаяся с «основанными на ней действиями» [Штомпка 2012, 82], или как избегающая недосказанности, упрощенности дихотомической полярности («доверяю – не доверяю») «степень уверенности» в том, что «объект доверия не станет источником вреда для доверяющего» [Монд 2023, 145]. При этом доверие рассматри-

вается как один из наиболее значимых элементов социального капитала, отражающий качество и эффективность социальных взаимоотношений, и одновременно как основание для его формирования и развития [Coleman 1988; Putnam 1995; Adler, Kwon 2002; Штомпка 2012; Фукуяма 2004].

Доверие присутствует во всех сферах общественной жизни и проявляется на всех уровнях человеческой организации, выполняя множество важных функций. В социологии различают личное, коллективное и категориальное доверие, межличностное доверие между близкими и знакомыми людьми, межличностное доверие между незнакомыми людьми, доверие к общественным и частным институтам. Рассматривают также различные безличные формы доверия – обобщенное, системное, базовое, организационное, а также доверие различным абстрактным конструктам, таким как роли и т.п. [Алексеева 2009; Штомпка 2012; Леонова 2015; Монд 2023; Цзинь и др. 2024; Kramer 2010].

Анализ динамики такого сложного социально-психологического феномена, как доверие в различных его проявлениях, позволяет лучше понять особенности адаптации россиян к переменам в окружающей действительности, оценить возможности и риски повышения уровня консолидации общества. Особый интерес представляет сегодня анализ изменений, которые произошли в последнее десятилетие, когда россияне столкнулись с такими беспрецедентными вызовами, значительно усложнившими жизнь людей и обострившими все проблемы общества, как последствия жесткого противостояния с западными странами, пандемия коронавируса COVID-19 и специальная военная операция (СВО) на Украине.

В настоящей статье проведен анализ ключевых тенденций и проблем формирования доверия в российском обществе на современном этапе его развития. Внимание фокусируется на сравнительном анализе динамики обобщенного (генерализованного) и межличностного доверия. Анализ основан на данных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Россий-

ской академии наук (ФНИСЦ РАН) и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) / Russian Longitudinal Monitoring Survey, RLMS-HSE¹.

Обобщенное (генерализованное) доверие

Важнейшим интегральным показателем, отражающим уровень общественного благополучия, готовности к позитивным взаимодействиям, является обобщенное (генерализованное) доверие (*generalized trust*). В силу своих особенностей обобщенное доверие нередко рассматривается в качестве главного, стратегического вида доверия, поскольку считается, что только оно представляет собой действительную моральную ценность, является основой социальной солидарности [Uslaner 2002]. Доверие к другим людям связывается с экономическим прогрессом, высоким уровнем образования, гражданской активностью, стремлением к социальной интеграции и сотрудничеству, сокращением социального неравенства, многими другими позитивными явлениями и процессами [Delhey, Newton 2003; Uslaner 2003]. В многонациональной России обобщенное доверие, играющее важнейшую роль в формировании российской идентичности, рассматривается также как естественная предпосылка общенациональной консолидации и один из социокультурных источников формирования полиэтнической российской нации [Рыжова 2021].

В связи с этим представляет большой интерес исследование проблем доверия в контексте изучения медиационных процессов, которое направленно на поиск механизмов стимулирования диалога в обществе [Давыдов 2024]. Так, обобщенное до-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms>).

верие занимает одно из ведущих мест в концепции А.А. Аузана, в основе которой находится положение о наличии в России двух культурных ядер: индивидуалистской России и коллективистской России, представленных разными типами населенных пунктов и разными регионами. В качестве решения проблемы культурно-ценностного раскола автором предлагается концепция трех «Д» (3Д): долгосрочный взгляд, доверие большинству людей и договороспособность [Аузан 2024], предполагающая использование потенциала обоих культурных ядер в качестве «моторов» развития, избегая их «взаимной блокировки» [Аузан 2023, 76].

В научной литературе отсутствует четкое общепринятое определение понятия обобщенного доверия. Но принято считать, что оно характеризует уровень доверия по отношению к людям вообще, т.е. не к «своим» или «чужим», а ко всем в целом. Для измерения уровня обобщенного доверия используется традиционный для подобных исследований вопрос: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?». Ответы на этот вопрос отражают одновременно мировоззренческую установку или склонность к доверию респондентов, их оценку предрасположенности других людей к доверию, а также стереотипы респондентов в отношении людей как категории, полученные из личного опыта или культурной среды [Монд 2023, 150]. Эти ответы обычно фиксируют с помощью дихотомии: «Большинству людей можно доверять» или «В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным». В РМЭЗ НИУ ВШЭ включена дополнительная позиция: «И то, и другое, в зависимости от человека, условий»². Наличие такой срединной позиции позволяет точнее фиксировать мнения респондентов, избегая крайностей, противопоставления дихотомических полюсов, т.е. исследовать обобщенное доверие в ракурсе медиационного мышления, предполагающего «отказ

² Подробнее об интерпретации этой дополнительной позиции в российских обследованиях см.: [Bahry et al. 2005]. Об интерпретации в обследованиях, проведенных в США и Канаде, см.: [Nishikawa, Stolle 2012].

от мышления противоположными черно-белыми абсолютами» [Давыдов 2024, 140].

Исследования убеждают в том, что обобщенное доверие относится к устойчивым характеристикам общества и выступает одним из факторов прочности системы идентичностей россиян [Дробижева 2020, 39]. Несмотря на свою фундаментальность, это доверие может изменяться. Так, под влиянием негативных внешних шоков обобщенное доверие может существенно снижаться, как это было, например, в 90-е годы XX века [Реутов, Реутова 2015]. При этом такие падения могут занимать несколько лет, тогда как накопление доверия происходит очень медленно, требуя десятилетий [Антипина, Кривицкая 2024, 43]. Помимо этого, обобщенное доверие подвержено влиянию различных ситуационных факторов, особенно связанных с угрозой личной безопасности [Рыжова 2021, 37]. Исследования демонстрируют тесную взаимосвязь обобщенного доверия с установками, касающимися общей удовлетворенности собственной жизнью и положением дел в стране [Мерсиянова, Брюхно 2023, 31].

Такие чрезвычайные события, как пандемия коронавируса, СВО, мощное санкционное давление западных стран, с которыми россиянам не приходилось сталкиваться ранее, стали серьезными испытаниями для всего общества и повлияли на все формы отношений и взаимодействия в обществе, уровень доверия граждан к другим людям. Несмотря на это, возникшие трудности не привели к разобщению, дезинтеграции общества. Как утверждают М.К. Горшков и И.О. Тюрина, с одной стороны, чрезвычайные события послужили импульсом для подъема уровня гражданской идентичности, являющейся важнейшим ресурсом сплоченности и устойчивости российского общества. С другой – очень четко обозначилась консолидация общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны. Укрепилась уверенность в том, что страна идет в правильном направлении, вне рамок общественного согласия по важнейшим вопросам дальнейшего развития и устройства страны остаются те, кто не поддерживает проведение СВО. Это сравнительно

Рис. 1. Динамика распределения ответов респондентов на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?», %³

небольшая группа, выделявшаяся до событий 2022 года неприятием политического курса страны. Из сложившегося мировоззренческого консенсуса также «выпадает» часть российской молодежи в возрасте до 25 лет [Горошков, Тюрина 2023, 731]. Вместе с тем исследование, проведенное Н.Е. Тихоновой и И.В. Дудиным, показало, что способствующая консолидации российского общества идентичность с гражданами России очень четко выражена сегодня у менее чем 30 % представителей массовых слоев [Тихонова, Дудин 2024].

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о том, что, несмотря на позитивные сдвиги, уровень обобщенного доверия остается низким. Это препятствует более полной реализации существующего в обществе потенциала солидаризации. Как видно на рисунке 1, в течение анализируемого периода доля респондентов, доверяющих большинству людей без каких-либо оговорок («склонные к доверию»), варьировала в узких границах, не превышая одной пятой от числа опрошенных. Эту скромную по численности группу составляют граждане, которые не только уверены в надежности других людей, всегда ожидают от них предсказуемого, понятного и ответственного

³ Не приведены данные о позиции «затруднились ответить».

поведения, но в большей мере, чем представители других категорий респондентов, признают за любыми, самыми разными людьми всю совокупность человеческих качеств и прав, в том числе право быть независимым и самодостаточным, непохожим ни на кого, право действовать в соответствии со своими интересами, самостоятельно выстраивать свой жизненный путь.

Позитивной тенденцией, которая особенно четко прослеживается после 2019 года, когда россияне столкнулись с беспрецедентными вызовами, потребовавшими объединения усилий для противостояния неимоверным угрозам, является существенное сокращение доли респондентов, полагающих, что с людьми всегда нужно быть осторожными. За 2018–2023 годы доля таких респондентов сократилась с 42,8 до 35,2 %. Снижение произошло практически в полной мере за счет увеличения доли респондентов, занимающих рациональную позицию, т.е. полагающих, что доверять или не доверять другим людям необходимо в зависимости от оценки качеств конкретного человека или складывающихся условий. И такие изменения не вызывают удивления, если принять во внимание, что россияне сегодня вынуждены делать выбор в условиях военных действий, когда нередко приходится делить людей не просто на «своих» и «чужих», а на «своих» и «врагов». В результате этих изменений перевес «рациональных» над «склонными к недоверию» достиг максимальных 9,9 процентных пунктов, т.е. сократился потенциал недоверия и стало больше людей, готовых в той или иной мере доверять другим людям, но чаще не просто другим, а «своим», и сотрудничать на этой основе. Около 75 % россиян, большинство которых, хотя и не настроены безоговорочно доверять посторонним, выражают готовность объединяться с другими людьми для совместных действий [Мерсиянова, Брюшно 2023, 35].

Подобные тенденции свидетельствуют об усилении рационального начала во взаимоотношениях между людьми, которое предполагает трезвый расчет, осмысленность, определенную обоснованность поведения с опорой на знания и накопленный опыт. Как предупреждал П.А. Сорокин, не следует доверять ни

слишком увлекающимся грезами оптимистам, ни впадающим в другую крайность пессимистам [Сорокин 1992, 514–515]. Сегодня, когда людям очень часто приходится принимать сложные решения, делать непростой выбор в чрезвычайных ситуациях, рациональный подход представляется все большему числу российских гражданам более разумным, чем «слепое» доверие, которое, как замечает Н. Луман, очень многими людьми «считается глупым, нежелательным, вредным» [Луман 2007, 182]. Растет стремление доверять не всем людям вообще, а только единомышленникам, соратникам, единоверцам. В реальной жизни реализация такого стремления обычно связана с риском. Трудно не согласиться с З. Бауманом в том, что доверие есть способ сосуществования с неопределенностью, риском, а не способ избавиться от тревоги [Бауман 2005, 226]. Доверие становится незаменимым условием всякого рационального планирования и осознанных поступков [Бауман 2005, 65].

Рост доли таких рационально мыслящих людей можно трактовать и как повышение уровня распространенности индивидуалистического мировоззрения, как следствие активизации процесса индивидуализации в российском обществе, представляющего собой «формирование в сознании человека представления о ценности “его собственной жизни”, “его собственного жизненного мира”, “его собственного способа мышления” как о конечном критерии конструирования установок познания, поведения, деятельности, нацеленных на его выживание и развитие себя как социального и культурного субъекта» [Давыдов 2023, 143]. В результате изменяется «соотношение коллективизма и индивидуализма» как одной из принципиально значимых характеристик общества [Аузан 2024, 13].

Указанные изменения происходили не за счет отдельных социально-демографических групп, а «по всем направлениям». При этом сегодня наиболее высоким уровнем доверия к другим людям отличаются сельчане («склонны доверять» – 22,1 %; «рациональные» – 43,2 %), тогда как жители региональных центров, т.е. самых крупных городов, характеризуются наиболее широкой поддержкой взвешенной позиции («склонны доверять» –

16,9 %; «рациональные» – 50,1 %). Это может говорить о том, что, как доказывает А.А. Аузан, для жителей мегаполисов и других крупных городов в большей степени характерно индивидуалистическое мировоззрение [Аузан 2024]. Они менее, чем жители небольших поселений, подвержены влиянию разного рода стереотипов, предрассудков, предубеждений и в большей степени полагаются на собственное мнение, знания и жизненный опыт, помогающие принимать более обоснованные, обдуманые решения. Различия по полу, возрасту и уровню образования оказались минимальными.

Медленный и согласованный рост обобщенного доверия выявлен также в ходе региональных исследований. При этом уровень обобщенного доверия практически не варьирует по регионам. Но следует иметь в виду, что такой вывод основан на данных относительно небольшого количества регионов. Во многих регионах прослеживается повышение уровня общественной активности, связанной в первую очередь с обобщенным доверием и коммуникативным ресурсом [Агафонова, Ромашкина 2024].

Сравнительный межстрановой анализ показывает, что по уровню обобщенного доверия Россия занимает срединное положение, но слишком отставая от лидеров [Китайцева, Кученкова 2014; Антипина, Кривицкая 2024, 39]. В Дании, Норвегии, Финляндии от 65 до 70 % граждан считают, что другим людям можно доверять. Кроме того, в предыдущих исследованиях, мы обращали внимание на то, что уровень обобщенного доверия в современной России не выдерживает сравнения с дореформенным периодом [Козырева 2011, 31–35]. Все это еще раз убеждает в том, что современное российское общество находится на трудном пути поиска своей идентичности. В целом большинство россиян не склонны без оглядки доверять незнакомым людям, но и таких, кто предрасположен с недоверием относиться к посторонним (потенциал недоверия), в последние годы стало меньше, сегодня их чуть более трети. Позитивные сдвиги в уровне обобщенного доверия, связанные в основном со снижением потенциала недоверия в обществе, не

всегда проявляются в реальных ситуациях на межличностном уровне, что будет показано дальше.

Межличностное доверие

К межличностному доверию относятся различные проявления доверия конкретным людям, представителям тех или иных социальных групп. Можно выделить два основных вида межличностного доверия: партикуляризированное доверие – доверие людям, которых индивид знает лично (членам семьи, родственникам, друзьям, коллегам, сослуживцам, знакомым, соседям), и доверие незнакомым людям, «чужакам» [Цзинь и др. 2024, 4].

Согласно исследованиям, наиболее высоким доверием пользуются люди ближнего круга – члены семьи, родственники и друзья [Институциональная политология... 2024, 227–228]. Это доверие базируется прежде всего на прочных родственных связях, чувстве симпатии и солидарности, дружбе и сотрудничестве. Оно позволяет людям удовлетворять базовые потребности в идентичности, устойчивых отношениях дружбы, уважении и самоактуализации, безопасности и защищенности. Из таблицы 1 следует, что в той или иной степени ближайшему окружению доверяют подавляющее большинство россиян. Но, судя по ответам респондентов, характеризующим степень доверия, оказывается, что максимальным доверием («полностью доверяют») пользуются члены семьи, затем следуют родственники, далее – друзья [Каравай 2023, 97].

Таблица 1

Динамика распределения ответов на вопрос «Насколько вы доверяете своему ближайшему окружению?» (2021–2023 годы), %⁴

Окружение	Полностью доверяют			Не доверяют		
	2021	2022	2023	2021	2022	2023
Членам семьи	90,0	87,8	83,6	0,4	0,8	1,1
Родственникам	69,0	61,9	58,3	2,0	3,4	3,1
Друзьям	56,0	49,1	44,6	3,1	5,4	4,1
Коллегам по работе	18,4	18,2	13,9	12,9	15,6	14,3
Соседям	17,9	14,2	14,8	25,1	28,7	23,0

⁴ Не приведены данные о позиции «доверяю частично».

Доверие членам семьи, другим родственникам и друзьям практически всегда гораздо выше, чем доверие коллегам, сослуживцам и соседям, что находит подтверждение в разных исследованиях [Кученкова 2016, 27–28; Институциональная политология... 2024, 227–228]. При этом доверие людям, с которыми приходится работать вместе, оказывается выше, чем доверие руководству предприятия, но эта дистанция постепенно сокращается. По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в 2023 году доверяли людям, с которыми работали вместе, 84 % работающих респондентов (24,9 % – доверяли полностью, 59,1 % – скорее доверяли), тогда как руководству предприятия – 77,5 % (23,4 и 54,1 % соответственно).

Доверие служит основой, которая дает возможность людям в трудной жизненной ситуации обращаться к окружению за поддержкой и помощью. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, оценки респондентами таких возможностей в полной мере соответствуют распределению показателей доверия представителям окружения. Это отражено в таблице 2.

Таблица 2

Оценка возможности обратиться в трудной жизненной ситуации за поддержкой и помощью к представителям своего окружения (2018 и 2023 годы), % тех, к кому это относится⁵

Окружение	2018			2023		
	Деньги	Совет	Другая помощь	Деньги	Совет	Другая помощь
К родственникам в своем домохозяйстве	71,5	86,5	90,1	73,7	87,2	90,6
К родственникам, живущим отдельно	73,9	78,2	74,7	74,1	76,2	74,0
К близким друзьям	59,1	71,1	52,8	55,4	68,3	57,4
К коллегам по работе	20,3	19,0	21,0	16,6	14,6	15,6
К соседям	16,8	14,2	24,0	11,4	9,6	18,2
К знакомым	9,7	11,4	12,8	7,9	10,1	9,3

⁵ Респондентам предлагалось выбрать между ответами «да» и «нет». Доля затруднившихся ответить обычно не превышала 1 %.

Вместе с тем результаты исследований показывают, что, хотя в период пандемии коронавируса и проведения СВО общие показатели доверия ближайшему окружению оставались высокими (суммарно: «полностью доверяют» и «частично доверяют»), уровень этого доверия несколько снизился. Как следует из таблицы 1, доли респондентов, не доверяющих окружению, в 2021–2023 годах практически не изменились, оставаясь на минимальном уровне, тогда как удельный вес лиц «полностью доверяющих» сократился. Россияне стали также несколько реже рассчитывать на поддержку и помощь соседей, коллег и знакомых, что отражено в таблице 2. Но все эти изменения, вызванные влиянием ситуационных факторов, нельзя назвать существенными, резко изменяющими общую картину межличностного доверия, обладающего высокой стабильностью.

Таким образом, пандемия коронавируса, а затем и СВО обострили проблему дефицита доверия на межличностном уровне. Эти события стали изменять конфигурацию привычных доверительных отношений даже в ближайшем окружении [Тартаковская 2021; Каравай 2023]. По мнению А.В. Каравай, снижение уровня межличностного доверия и межгрупповых взаимодействий в 2021–2023 годах могло быть следствием накопления разногласий, связанных с проведением СВО, а также обманутых ожиданий на получение от своего окружения помощи [Каравай 2023]. Так, вынужденная «самоизоляция» во время пандемии коронавируса воспринималась частью людей, особенно старшего возраста, рассчитывавших на поддержку родственников и друзей, как отказ ближайшего окружения от оказания такой помощи. Позднее частичная мобилизация (осенью 2022 года) была воспринята многими семьями, которым пришлось столкнуться с этой проблемой, как нарушение принципа социальной справедливости. Сыграл роль и рост тревожности, обусловленный нестабильностью и неопределенностью, обострением экономических проблем, угрозами личной безопасности, связанными со стремительным распространением разных видов мошенничества (фейковых звонков, СМС-мошенничества и т.п.), опасностями террористического характера.

Многочисленные исследования давно доказали наличие влияния межличностного доверия на социальное самочувствие, которое фиксируется и как влияние на субъективное благополучие, индивидуальное счастье, субъективную удовлетворенность жизнью [Антипина, Кривицкая 2024]. Механизм этого влияния «работает» через множество каналов, таких как брак и семья, связи с друзьями и соседями, связи на рабочем месте и др. [Helliwell, Putnam 2004, 1444].

В связи с этим не совсем логичным, на первый взгляд, выглядит снижение в последние годы уровня межличностного доверия на фоне роста социального самочувствия россиян. Несмотря на остроту жизненных проблем, доля респондентов, удовлетворенных или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, возросла с 50,6 % в 2021 году до 54,5 % в 2023 году. Не стало меньше людей, ощущающих себя счастливыми. Если в 2019 году 48,9 % респондентов относили себя к очень счастливым или довольно счастливым людям, а еще 35,1 % считали, что они скорее счастливы, то в 2023 году таких стало 47 и 37,4 % соответственно. Если в 2019–2021 годах доля респондентов, в той или иной мере неудовлетворенных своим материальным положением, составляла около 55–56 %, то к концу 2023 года она сократилась до 47,9 %.

Приведенные изменения показателей, характеризующих социальное самочувствие, можно объяснить как повышением за годы трансформационного периода адаптационной опытности россиян, так и выработкой у части граждан определенного «иммунитета» к накопившимся угрозам и опасностям, ослаблением «чувствительности» в восприятии кризисной действительности, которое облегчает переживания при столкновении с теми или иными преградами, помехами в повседневной жизни. В конце 2023 года, оценивая изменения в своей жизни после пандемии коронавируса и начала спецоперации, только около 11 % опрошенных россиян указали, что все еще не могут справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями. По-видимому, влияние доверия на социальное самочувствие россиян оказалось менее весомым, чем влияние иных факторов.

В условиях возросших внешних и внутренних угроз национальной безопасности особую актуальность для многонациональной России приобрела проблема укрепления межэтнического доверия (некоторыми учеными рассматривается как форма обобщенного доверия), отражающего опыт взаимодействия людей в этнически неоднородном социальном пространстве. Исследования Института социологии ФНИСЦ РАН свидетельствуют о том, что в России уровень доверия к людям своей национальности существенно превышает уровень доверия к людям других национальностей. В 2020–2024 годах доля респондентов, полностью или скорее доверяющих людям другой национальности, возросла с 39 до 50 %, тогда как доля полностью или скорее доверяющих людям своей национальности увеличилась с 58 до 69 % [Рыжова 2024, 23–24].

В качестве традиционной культурной основы социальной солидарности, важнейшей духовной скрепы, объединяющей наше общество, рассматривают в настоящее время религиозность. Однако ее влияние на формирование доверительных отношений представляется неоднозначным. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, только 49,1 % респондентов, считающих себя верующими, полагают, что религия дает им дружбу, поддержку других верующих. И совсем немного таких респондентов (17,4 %) среди считающих себя скорее верующими, чем неверующими. Минимально влияет отношение к религии на уровень обобщенного доверия.

Согласно исследованиям, для поддержания позитивной динамики уровня доверия требуются обеспечение стабильности в экономической и политической сфере на макроуровне, а также улучшение качества жизни населения с целью повышения предсказуемости и надежности социальных коммуникаций [Кученкова 2016, 36]. Однако события последних лет формируют картину, далекую от идеальной, которая мало способствует существенному росту доверия на разных уровнях. Россияне продолжают жить в условиях кризисной нестабильности, неопределенности настоящего и будущего, ощущают на себе всю тяжесть негативных послед-

ствий проведения СВО и санкционного давления западных стран.

Выводы

Исследование показало, что доверие остается значительным недоиспользованным ресурсом повышения социальной сплоченности, развития стабилизационных и интеграционных процессов в российском обществе. На протяжении длительного периода только один из пяти опрошенных россиян демонстрировал готовность доверять другим людям. При этом российское общество очень слабо дифференцировано по уровню обобщенного доверия.

Чрезвычайные события последних лет (пандемия коронавируса, СВО, тотальные санкции западных стран) не одинаково повлияли на разные проявления доверия. С одной стороны, наблюдается некоторое повышение обобщенного и ряда других видов безличного доверия, что может свидетельствовать о снижении уровня конфликтности и росте потенциала консолидации в российском обществе, укреплении гражданской и национальной идентичности в качестве ответа на вызовы чрезвычайного характера. Рост доверия в немалой степени базируется на осознании гражданами необходимости объединения усилий, направленных на защиту общенациональных ценностей и интересов государства, которое подавляет проявления неудовлетворенности качеством жизни и накопившуюся психологическую усталость.

С другой стороны, отмечается определенное снижение уровня межличностного доверия, нарастания настороженности в отношениях между людьми на индивидуальном уровне. Различные проявления доверия тесно сопряжены с высоким уровнем обеспокоенности у значительной части россиян вопросами личной безопасности и тревогой относительно своего настоящего и будущего. Вместе с тем для многих россиян чрезвычайные события стали не только источником новых тревог и переживаний, но и стимулом, побуждающим к использованию активных адаптационных практик, инициативному и ответ-

ственному поведению. Несмотря на остроту травматических событий, увеличение трудно контролируемых проблем, зафиксирован рост удовлетворенности респондентов своей жизнью в целом и важнейшими ее сторонами.

В контексте медиационных процессов, ориентированных на стимулирование социального диалога и преодоление полярных абстракций в массовом сознании, выявленные тенденции указывают на потенциал перехода от дихотомического мышления («доверие – недоверие») к более гибкому, рациональному подходу, предполагающему, что доверие формируется в зависимости от конкретных условий и личностей. Это проявляется в росте «срединного» кластера респондентов, готовых к компромиссам и объединению усилий перед лицом угроз, что способствует укреплению социальной сплоченности через диалог и взаимопонимание. Однако снижение межличностного доверия показывает, что этот потенциал медиации пока реализуется на уровне общих установок, сталкиваясь с барьерами в сфере конкретных социальных связей, что и составляет одну из главных проблем социального развития.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агафонова, Ромашкина 2024 – Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере населения Тюменской области) // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 146–154.

Алексеева 2009 – Алексеева А.Ю. Основные элементы и структура межличностного доверия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 22–40.

Антипина, Кривицкая 2024 – Антипина О.Н., Кривицкая А.Д. Доверие как детерминанта субъективного благополучия в России // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 36–47.

Аузан 2023 – Аузан А.А. Культурные коды экономики. – М.: АСТ, 2023.

Аузан 2024 – Аузан А.А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 11–26.

Бауман 2005 – Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Горшков, Тюрина 2023 – Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вест-

ник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739.

Давыдов 2023 – *Давыдов А.П.* Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159.

Давыдов 2024 – *Давыдов А.П.* Медиация и конвергентная социальность. К теории социального диалога // *Философские науки*. 2024. Т. 67. № 2. С. 135–159.

Дробижева 2020 – *Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 37–50.

Институциональная политология... 2024 – Институциональная политология 2.0. Трансформативная политика в России: социальные акторы и политические институты в пространстве власти и господства / отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2024.

Каравай 2023 – *Каравай А.В.* Социальный капитал российского общества: год в условиях специальной военной операции // *Terra Ecomonicus*. 2023. Т. 21. № 4. С. 91–105.

Китайцева, Кученкова 2014 – *Китайцева О.В., Кученкова А.В.* Доверие и индивидуализм в мировоззрении современной молодежи восточноевропейских стран // *Социологические исследования*. 2014. № 12. С. 97–104.

Козырева 2011 – *Козырева П.М.* Доверие и его роль в современной России. – М.: Институт социологии РАН, 2011.

Кученкова 2016 – *Кученкова А.В.* Межличностное доверие в российском обществе // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 26–36.

Леонова 2015 – *Леонова И.Ю.* Доверие: понятие, виды и функции // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 25. № 2. С. 34–41.

Луман 2007 – *Луман Н.* Социальные системы: очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007.

Мерсиянова, Брюхно 2023 – *Мерсиянова И.В., Брюхно А.С.* Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение // *Социологические исследования*. 2023. № 9. С. 29–40.

Монд 2023 – *Монд Д.Л.* Доверие как личное благо в контексте социального капитала // *Социологические исследования*. 2023. № 8. 143–153.

Реутов, Реутова 2015 – *Реутов Е.В., Реутова М.Н.* Недоверие в установках и практиках населения // *Социологические исследования*. 2015. № 6. С. 126–132.

Рыжова 2021 – *Рыжова С.В.* Обобщенное доверие и чувства к России как компоненты общероссийской идентичности // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9. № 2. С. 27–41.

Рыжова 2024 – *Рыжова С.В.* Этническая идентичность в период социальных трансформаций // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межэтнические отношения, идентификационные и интеграционные процессы в период социальных трансформаций. 2024. № 1. С. 19–29.

Сорокин 1992 – *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. под общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992.

Тартаковская 2021 – *Тартаковская И.Н.* Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68–89.

Тихонова, Дудин 2024 – *Тихонова Н.Е., Дудин И.В.* Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 18–33.

Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колупатина. – М.: АСТ; Ермак, 2004.

Цзинь и др. 2024 – *Цзинь Ц., Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Методология сравнительного социологического исследования доверия (на примере России и Китая) // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 3–13.

Штомпка 2012 – *Штомпка П.* Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. – М.: Логос, 2012.

Adler, Kwon 2002 – *Adler P.S., Kwon S.W.* Social Capital: Prospects for a New Concept // *Academy of Management Review*. 2002. Vol. 27. No. 1. P. 17–40.

Bahry et al. 2005. – *Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., Wilson R.* Ethnicity and Trust: Evidence from Russia // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. P. 521–532.

Coleman 1988 – *Coleman J.S.* Social Capital in The Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 95–120.

Delhey, Newton 2003 – *Delhey J., Newton K.* Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Nations // *European Societies*. 2003. Vol. 5. P. 93–137.

Giddens 1990 – *Giddens A.* The Consequences of Modernity. – Cambridge, UK: Polity Press, 1990.

Helliwell, Putnam 2004 – *Helliwell J.F., Putnam R.D.* The Social Context of Well-Being // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2004. Vol. 359. No. 1449. P. 1435–1446.

Kramer 2010 – *Kramer R.M.* Collective Trust Within Organizations: Conceptual Foundations and Empirical Insights // *Corporate Reputation Review*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 82–97.

Nishikawa, Stolle 2012 – *Nishikawa L., Stolle D.* Do Not Trust Strangers: How Parents Shape the Generalized Trust of Their Children // *Trust:*

Comparative Perspectives / ed. by M. Sasaki, R.M. Marsh. – Leiden: Brill, 2012. P. 133–171.

Putnam 1995 – Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. No. 1. P. 65–78.

Uslaner 2002 – Uslaner E.M. The Moral Foundations of Trust. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002.

Uslaner 2003 – Uslaner E.M. Trust, Democracy and Governance: Can Government Policies Influence Generalized Trust? // Generating Social Capital. Civil Society and Institutions in Comparative Perspective / ed. by M. Hooghe, D. Stolle. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 171–190.

REFERENCES

Adler P.S. & Kwon S.W. (2002) Social Capital: Prospects for a New Concept. *Academy of Management Review*. Vol. 27, no. 1, pp. 17–40.

Agafonova D.Yu. & Romashkina G.F. (2024) Social Capital: Trust and Public Participation (Case Study of Tyumen Region). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 8, pp. 146–154 (in Russian).

Alekseeva A.Yu. (2009) The Main Elements and the Structure of Interpersonal Trust. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. No. 3, pp. 22–40 (in Russian).

Antipina O.N. & Krivitskaya A.D. (2024) Trust as a Determinant of Subjective Well-Being in Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 2, pp. 36–47 (in Russian).

Auzan A.A. (2023) *Cultural Codes of the Economy*. Moscow: AST (in Russian).

Auzan A.A. (2024) Individualism and Collectivism: Two Cultural Cores of Russia. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 4, pp. 11–26 (in Russian).

Bahry D., Kosolapov M., Kozyreva P., & Wilson R. (2005) Ethnicity and Trust: Evidence from Russia. *American Political Science Review*. Vol. 99, pp. 521–532.

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society* (V.L. Inozemtsev, Ed.). Moscow: Logos (Russian translation).

Coleman J.S. (1988) Social Capital in The Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94, pp. 95–120.

Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society”). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159 (in Russian).

Davydov A.P. (2024a) Mediation and Convergent Sociality: Toward a Theory of Social Dialogue. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 67, no. 2, pp. 135–159 (in Russian).

Delhey J. & Newton K. (2003) Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Nations. *European Societies*. Vol. 5, pp. 93–137.

Drobizheva L.M. (2020) Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 8, pp. 37–50 (in Russian).

Fukuyama F. (2004) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity* (D. Pavlova, V. Kiryushenko, & M. Kolopotina, Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge, UK: Polity Press, 1990.

Gorshkov M.K. & Tyurina I.O. (2023) Consolidation of the Russian Society Under Contemporary Challenges: Social-Historical and Value Contexts. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 23, no. 4, pp. 720–739 (in Russian).

Helliwell J.F. & Putnam R.D. (2004) The Social Context of Well-Being. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. Vol. 359, no. 1449, pp. 1435–1446.

Jin J., Veselov Y.V., & Skvortsov N.G. (2024) Methodology of the Comparative Sociology of Trust (Case Study of Russia and China). *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 4, pp. 3–13 (in Russian).

Karavay A.V. (2023) The Social Capital of Russian Society: A Year Under a Special Military Operation. *Terra Economicus*. Vol. 21, no. 4, pp. 91–105 (in Russian).

Kitaytseva O.V. & Kuchenkova A.V. (2014) Trust and Individualism in the Worldview of Modern Youth of Eastern European Countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 12, pp. 97–104 (in Russian).

Kozyreva P.M. (2011) *Trust and Its Role in Modern Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kramer R.M. (2010) Collective Trust within Organizations: Conceptual Foundations and Empirical Insights. *Corporate Reputation Review*. Vol. 13, no. 2, pp. 82–97.

Kuchenkova A.V. (2016) Interpersonal Trust in Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 1, pp. 26–36 (in Russian).

Leonova I.Yu. (2015) Trust: Concept, Types, and Functions. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. Vol. 25, no. 2, pp. 34–41 (in Russian).

Luhmann N. (2007) *Social Systems. Essay on a General Theory*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Mersianova I.V. & Briukhno A.S. (2023) Russian Citizens' Social Mood, its Structure and Influence on Helping Behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 9, pp. 29–40 (in Russian).

Mond D.L. (2023) Trust as a Private Good in the Context of Social Capital. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 8, pp. 143–153 (in Russian).

Nishikawa L. & Stolle D. (2012) Do Not Trust Strangers: How Parents Shape the Generalized Trust of Their Children. In: Sasaki M. & Marsh R.M. (Eds.) *Trust: Comparative Perspectives* (pp. 133–171). Leiden: Brill.

Patrushev S.V. (Ed.) (2024) *Institutional Political Science 2.0. Transformative Politics in Russia: Social Actors and Political Institutions in the Space of Power and Domination*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Putnam R.D. (1995) Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6, no. 1, pp. 65–78.

Reutov E.V. & Reutova M.N. (2015) Distrust in Peoples' Attitudes and Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 6, pp. 126–132 (in Russian).

Ryzhova S.V. (2021) Generalized Trust and Feelings for Russia as Components of the All-Russian Identity. *Sotsiologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 9, no 2, pp. 27–41 (in Russian).

Ryzhova S.V. (2024) Ethnic Identity in the Period of Social Transformations. *Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS (INAB). Interethnic Relations, Identification and Integration Processes in the Period of Social Transformations*. No. 1, pp. 19–29 (in Russian).

Sorokin P.A. (1992) *Man. Civilization. Society* (A.Yu. Sogomonov, Transl). Moscow: Politizdat (Russian translation).

Sztompka P. (2012) *Trust is the Basis of Society* (N.V. Morozova, Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

Tartakovskaya I.N. (2021) Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. Vol. 27, no. 2, pp. 68–89 (in Russian).

Tikhonova N.E. & Dudin I.V. (2024) Identity of Russians as a Consolidation Factor of Russian Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. No. 11, pp. 18–33 (in Russian).

Uslaner E.M. (2002) *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Uslaner E.M. (2003) Trust, Democracy and Governance: Can Government Policies Influence Generalized Trust? In: Hooghe M. & Stolle D. (Eds.). *Generating Social Capital. Civil Society and Institutions in Comparative Perspective* (pp. 171–190). New York: Palgrave Macmillan.